

Константин Латыфич

РАВНОДЕНСТВИЕ

книга в стихах

РУССКИЙ

ГУЛЛИВЕР

Константин Латыфич

Равноденствие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050645

Равноденствие:

ISBN 978-5-91627-089-1

Аннотация

«Равноденствие» – вторая поэтическая книга Константина Латыфича. Автор продолжает тему исследования человеческой судьбы как попытки обретения своего «я» через открытие мира и Другого с помощью слова. Толчком к названию книги послужила мысль Мераба Мамардашвили о «точке равноденствия» как моменте ощущения человеком подлинности в потоке реальности.

Содержание

И дыхание делается непрерывным...	7
На концерте николая петрова	17
I. Лабиринты	18
Лабиринт I	18
Посвящение	18
1	19
2	20
3	21
4	23
5	23
6	25
7	26
8	27
9	28
Лабиринт II	31
1	31
2	32
3	34
4	37
5	38
6	40
7	44
8	44

9	45
Лабиринт III	49
1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Константин Латыфич

Равноденствие

Константин Салевич Латыфич родился в Самаре 15 ав-

густа 1966 года. Автор книги в стихах «Человек в интерьере» («Русский Гулливер» 2007 год). Стихи и эссе публиковались в журналах «Гвидеон», «Перфоманс», «Крещатик», на сетевых литературных ресурсах. В настоящее время работает журналистом в Самаре, ведет радиoproграммы, посвященные культуре и жизни современного общества.

И дыхание делается непрерывным...

Есть поэты, которые настолько не заботятся о читателе, что не удосуживаются встретить его на пороге и проводить внутрь со всем осознанием неповторимости этого шага через порог.

Не из них Константин Латыфич, приутоволивший вход поэтапный, торжественный, несколькими вратами: название – только первые, а за ними подзаголовок, посвящение и два эпитафия. И дело не в церемонии, а в испытании, причем взаимном. Поэт и читатель присматриваются друг к другу: насколько диалог возможен? По воле автора перед нами не книга стихов, а книга в стихах, т.е. главное – *книга*, слово, обращенное к тому, кто готов слушать. Для Латыфича чувствовать адресата важно. Потому и один из эпитафий повторяет евангельский призыв, а другой устами Макса Шелера (предложившего идею Бога как личности всех человеческих личностей и отношений человека с Богом – как «сотрудничества»), по сути, тоже призывает, напоминая о том, что человек способен вместить больше самого себя и что встреча, так или иначе, неминуема.

«И то, что казалось навеки обретенным – / на самом деле становится лишь / обретенным единственной встречи».

Встреча – да, но неминуемо ли узнавание? От того, узнает ли сын (Эдип?) отца (Лайя?), узнает ли каждый из нас подлинного себя, зависит, пройдет ли стороной катастрофа, вселенская или экзистенциальная – тут для Латыфича разницы нет.

Неотвратимость эту в поэме «Лабиринт II» и воплощает названная мифологема: встреча обернется либо Ариадной, либо Минотавром, одиночество прорвется либо освобождением, либо трагедией. Человек оторвался от вечного настоящего, от той единственной точки, которая есть и место, и время, утратил (скорее за тысячелетия, чем за последние двести лет) не только связь с источником жизни, но и способность связывать, собирать в себя и собою мир. Дальше остается лишь расщепление изнутри, на жизненные роли и жизненные цели, на самом же деле ничуть не жизненные... Жажда то ли страшной, то ли спасительной встречи увлекает в лабиринт. Нить имени приводит к самому себе: только в том, кто соединился с самим собой, возможны все соединения и обретения, включая встречу настоящего и прошлого.

Латыфич держит постоянный контакт с читателем, что в современной поэзии само по себе редкость, окликает его, притом ради него же. Если лирический сборник сбив вокруг лирического субъекта, а тот обычно подозрительно похож на автора, то здесь поэт низводит себя до вожатого, до голоса, жгущего читательский висок – потому что слово важнее того, кто его произносит.

Поэма начинается с кредо:

Я верю, что каждая вещь – слово
и что каждое слово – вещь.

Такой вот взгляд на проблему соотношения реальности первичной и реальности словесной, снимающий ее беззащитным и беззастенчивым «верю». Мир вовсе не текст, но каждое слово в отдельности и соединенности с другими. Именно эту связь человек может, если пожелает, пустить через себя, чтобы снова стать одной тканью жизни с остальными вещами-словами и ответственным за ее прочность и проницаемость, стать «местом встречи».

...и не важно – на каком языке говорят с тобой те,
чей облик, по свидетельству многих, – ужасен.
Этот страх есть конец языка и начало того,
что за словом любим оставалось,
его подтверждая всегда. О чем можно было сказать:
«Так и есть». ...

Более чем прозрачная отсылка к «Дуинским элегиям» Рильке («Каждый ангел ужасен») дает повод задуматься о том культурном фоне, на который помещает себя Латыфич. Это «правое» крыло европейского модернизма, бросающее современника в эпицентр мифа, чтобы тем самым оживить для реальности. Латыфич равняется на свойственную модернизму долгую строку и длиннотность, когда фраза перепол-

няет размер и перетекает со строки на строку и даже со строфы на строфу. Глубокое дыхание в поэзии модернизма (Клодель, Элиот, Паунд, Сеферис, Уолкотт – последние двое особо навязчиво вспоминаются при чтении поэмы «Лабиринты») связано и с эпическим началом, и с установкой на всеохватность, синкретизм. Смелость, с которой Латыфич вызывается наследовать модернистской поэзии, по крайней мере, заслуживает уважения, ибо наследовать приходится не напрямую, а после многих, в том числе, Бродского.

Эпическая монотонность у Латыфича нигде не срывается в шум. Поэт не плывет, действие скорее напоминает сосредоточенное разматывание троса, который поэт постоянно перехватывает, натирая мозоли, и читатель как будто должен помочь, включиться в эту работу. Тягостная вначале, она, по мере того, как усваиваешь ритм «напарника», становится сомнамбулически плавной, незаметной.

У Латыфича есть прямая риторика, но она вложена в уста того, кто имеет право предостерегать и судить – умершего (похожий прием использует Андрей Тавров в «Часослове Ахашвероша», содержащем «Послания» титульного героя). Но вот на середине строфы жизнь подкатит волной под вызывающую речь и растворит ее, спасая от императивности. Желтые подсолнухи будто готовят появление солдат, входящих в неожиданной роли носителей милосердия.

Уходи без оглядки
из мест из пластмассы и гипса,
что творят на замену деревьям – деревья,
и дороге замену творят, и окрестным домам с
палисадником,
подсолнухам желтым и пылящему взводу
идущих на север солдат – за спиной автомат
и за поясом два магазина, и на компасе чуткая стрелка
с каждым шагом сбивает с пути двух ушедших вперед —
тех, кто крышечкой фляги разделить попытался друг с
другом остатки воды.

Почти кино: ближний план сменяется дальним, и так же, как границы кадров на пленке сплавляются для нас в непрерывность движения, у Латыфича одно рождает другое прежде, чем мы успеваем это зафиксировать.

Соединение как узнавание и узнавание как соединение – тема не только «Лабиринтов», но всей книги. Латыфич заставляет человека прорасти в мир, в ландшафт, в вечное настоящее древности. Его герой ощупывает пространство, ставшее временем, в поисках того места, где совпадет с собой. Латыфич вплетает эпохи друг в друга, но не на уровне стиля. Язык его однороден, тут даже вернее будет говорить о голосе, одновременно лично и надлично.

Не только в написанных поверх модернистского канона «Лабиринтах», но в традиционных по форме, т. е. учитывающих скорее «местную» традицию, обходящихся без пла-

вучего размера, умеренной строкой текстах из цикла «Равноденствие» встречаем мы эту тяжеловатую непрерывность (цикл почти полностью написан мерным пятистопным ямбом). Латыфич часто описывает действие, описыванием тормозя, растягивая его, словно в надежде осязать там, где привычнее видеть и слышать. Осязанием вооружена и память, поэтому стихотворение о Марселе Прусте в цикле знаково: «Нащупывая след / тех девушек, что долго вереницей / вдоль моря шли (одна велосипед / толкала впереди) – возможно лица / живыми сделать».

Мир стихотворения Латыфича почти всегда пространствен и в пространстве сориентирован. Ландшафт у него одновременно монументален и конкретен, похожий на атлас, куполом обступающий человека, – и доступный тому, чтобы сжиться с ним, войти в него, если можно так выразиться, кинетически, подсоединиться к теснейшим, не знающим разделение на живое и неживое связям внутри природы.

Над поймою ветвящейся реки,
где острова, намытые песками,
меняют очертания Луки.
Там, пермскими слоясь известняками,

бесшумно продолжающие рост
холмы стремятся завершить собою
подземное движение – внахлест
воды и камня. <...>

И степь с доледниковой тайгой
встречается. ...

Триптих «Из Таблиц Междуречья» просто-таки манифестирует слитность, нерасчлененность и дление: строка нарощена до предела – и при этом не перегружена. «Архаически» степенный напев как будто стирает точки на концах фраз, но естественно расставленные паузы для взятия дыхания не дают читателю захлебнуться, потеряться, помогают сохранить ясность присутствия.

...И тогда пробудившийся – дожди и засуху похжим даром
считает, удары яростной кисти совмещая на высохшем полотне
с плавным движением мастихина, чтоб стать жёлтые вихри шаром
подсолнуха с зелёным покоем стебля могли и,
продолжаясь на дне

взгляда на них, обретали объем и запах с каждым звуком и вдохом
вместо дерева, которое было запретным, чтоб с континентов несли
к созданному цветку – семена акации и аниса, оправдывая Енохом
отчаянье от изгнания и двигая спутники по орбите вокруг Земли...

Человек эры Потопа и человек XXI века просвечивают друг сквозь друга. Одновременно падает в землю зерно – и уже совершается посеянное когда-то будущее-настоящее. Все присутствует одновременно, в данный миг, и войти в него *сейчас* значит укрыться от апокалипсиса своей отчужденности («Новый год начиная сразу для всех, кто сто раз входит в один ручей»). Человек не изгнан из Рая – он сам изгоняет себя из мира, который и есть Рай. Оказывается, соединение не нужно осуществлять – только принять, ибо оно, как и вечность, тут. И смерть обращается вспять.

Им откроется сад в тот день, когда вместе услышат неровный шум.

Так звучат тела, как почки на вербе, согретые трепетом узнавания взаимного. И сразу потерю привычки в своё уравнение запишет ум.

И потому испуг неизбежен.

<...>

И у вокзала яблоки в вёдрах и малина в газетных кульках – к перрону электричка подходит. Здесь шелушат подсолнух, и на прилавках улов раскладывают рыбаки, пришедшие с тихой реки, и кот пугает ворону

возле лужи, похожей на миргородскую, и сосед, устав от
колки дров,
пот вытирает со лба. Они сохраняют всё. И потому
повернуть Харону

придётся в обратную сторону...

<...>

И тогда слетаются с гнёзд – разделить на всех то, чем
проросло зерно
рассыпанное с рук двоих, в дар голубям с площадей
Киева и Харрана.

И найденный в саду орех падает в короб сам. Не в кровь,
а уже в вино

превратится вода на пиру, где хищный лев спокойно
возле джейрана

ляжет. Это значит, луковка в серном озере найдена,
размотано веретено

у всех лабиринтов. И вкусом коровьего молока может
стать вкус айрана.

И дыхание делается непрерывным. ...

Влюбленные приближают новое небо и новую землю, се-
ют Царство, сами того не ведая, зачастую впадая в отчаянье
и томясь. Но все же, незаметно для себя, выходят из лаби-
ринта на воздух, где «двумя живыми становятся именами». И
читатель, пустивший автора дальше своего эстетического
чувства и критического мышления, покидает «книгу в сти-

хах» с верой, что все главное – ближе и роднее, чем представлялось. Что неизбежная встреча будет, возможно, не радостна, но чудесна.

Марианна Ионова

Светлой памяти отца и мамы

На концерте николая петрова

*Ходите, пока есть свет.
Евангелие от Иоанна*

*Человек есть место встречи.
Макс Шелер*

До альпийского льда – перезвон золотой.
До дождя – фортепьянная гамма.
Это стало известно. Все также порой
предсказателем птичьего гама
продолжает вестись безначальный рассказ —
лишь смотри за стремлением клавиш
прикоснуться к руке, отбывая подчас
в бездревесную опытность – там не поправишь
ничего. Ибо нот, как и водится, – семь.
Можно письма читать, не вскрывая конверта.
И, трамвай ожидая, воскликнуть: «Я есмь!»,
сохраняя билеты после концерта.

І. Лабиринты

Лабиринт І

Памяти отца

Посвящение

Последний выдох – электрошок.
И ты уходящим бросаешь вслед:
«Смотри на это, учи урок
о том, что в теле твоём скелет.

Что фразы в скобках стоят давно.
Что здесь помножен рай на ад.
И между ними есть знак «равно».
И каждый круг заключен в квадрат».

Если сумеешь – ты там узнай,
как отвечать на вопрос: «Зачем?»
Я конспектирую – продолжай.
Я без подсказок пребуду нем.

1

Я верю, что каждая вещь – слово
и что каждое слово – вещь.

А мы

не достроили идеальный лабиринт
с одним входом возле меня, другим – возле тебя,
пройдя по которому каждый своей дорогой,
мы должны были встретиться в центре,
с удивлением обнаружив,
что никакого Минотавра нет и в помине.

Что мы его выдумали только лишь из-за боязни
услышать друг от друга: «Да, это ты...»

Страх конечной остановки
оказался сильнее желания до нее дойти.

И теперь, пытаясь стряхнуть
налипший на стекло памяти рисунок,
где видимы только пластиковые трубки,
по которым течет формалин,
склонившийся человек – в белом халате,
констатирующий: «Вот поэтому...»,

беспольные склянки с лекарствами,
стоящие на шкафу в комнате,
сдавленной заостенелой тишиной,
я заново перезагружаю программу,
чтобы обнаружить причину ее сбоя.
Попытаемся разобраться вместе...

Попытаемся понять.

2

Лаий снимает галстук.

А в это время над ухом, успевшим остыть,
черный рупор сквозь звуки фокстрота и танго
пропускает высокий диктующий голос.

Металлом звенит речитатив, сообщая
бесстрастный и срочный приказ:

«Вас вызывает Юпитер!

Иди же скорее туда, где ты был,
когда начинался твой путь,
навстречу с ослепшим потомком».

И снова – холмы.

Вершины скрывают от взора
стучащий о берег прибой.

В горах он неслышен.

И снова, как прежде, на пашнях вокруг городов
военное сеяно просо.

Солдаты растут из земли.

Их крик оглушает пространство.

Все стороны до горизонта – лишь каски и рты.

И диагональ автомата из каждого делает дробь —
один разделить на один.

Один разделить на один – будет ноль.

«Стремиться к нулю!» – вещает приказ командиров.

«Ты снова здесь, Лаий.
Ты снова на кадмовом поле.
Ты снова всю пытку надеждой
обязан один пережить.
Чтоб жить было можно».

3

«Я взглянул окрест,
и сердцу потребовался кардиостимулятор.
Я готов *не быть*, но хочу окончательной ясности.
Чтобы у всех причин были следствия,
и у всех следствий были причины.
Если война есть следствие мира,
значит мир есть причина войны.
Земля появилась из моря.
И там было то,
чего мне не достичь никогда.
Где бликует отсвет караульных огней,
где прожектора бьет полоса,
где вдоль нитей стальных, что под током,
спотыкаясь, бежит человек
и где с башней сторожевых слышен голос: «Нельзя!»
«Там, – шептала мне мать, со скрипом крутя кофемолку,
—
там на берегах иллирийских
то, что называли мы деревом – деревом было,

река называлась рекой, и в этой реке
бьющая в ногу форель называлась форелью.
Мог ты на склоне стоять каменистом,
и, не спросив: «Почему?» и «Зачем?»,
слышать треск созревающих слив,
тихий шорох растущих корней,
ветвление бука и тиса».

Фотография, сделанная в детстве,
с самого края поджигается тем, кто ее сделал.
И плывущий наискосок огонь
покрывает запечатленный пейзаж
расплавленными язвами.
И внезапно подувший ветер
черной свастики закручивает к небесам
остатки пепла.

Черные свастики вместо звезд —
это выдох сожженных.

Белый бинт на глаза!
Белый бинт на глаза!

И на ощупь по горным тропам,
не надеясь встретить вожатого,
мне остается дойти до того места,
которого никогда не было.
Которого никогда не будет,
ибо там есть

лишь оглушительное солнце,
заново освещающее лица,
которых уже нет,
но которые хочется удержать
не изменившимися,
застывшими,
смотрящими в упор,
и с одобрением говорящими:
«Иди, иди..»

Там я буду один —
в центре круга,
который стерилен».

4

«Смотри, – кричала толпа, – Человекобог!»
«Этот тот, кто распял себя сам
вниз
головой».

5

На перекрестке трех улиц
он надевает очки.

Ночь наступает.
Над входом в метро
красный слоган «Живи без надежды!»
пульсирует в памяти, словно сирена,
и, пока турникет
со всхлипом глотает монету, —
увлекает в воронку остатки того,
на чем взгляд задержался когда-то.

По эскалатору – вниз.
К поездам до платформы «*не важно какой*».
Здесь он сам выбирает названья.
Ибо цель – не нужна.
На табло – sms:
«Желанье – таблетка от страха».

«Обретайте свободу, сгоняя излишний вес!»
«Смерть – смотрите по телевизору»,
«Плачьте по тамагочи»,
«Меняйте свой труд на секс».
«Пиартесь любовью к ближнему».

«Бог – это цветомузыка,
которую настраиваешь сам.
То красным, то синим,
выхватывая из мрака
шепчущую «Твоя»,
официанта, несущего чай,

Колизей, пирамиды,
Анды или Канары.
Все это только твое.
Главное – не умирай.
Заполни паузу совокуплением.
Ты – это только ты.
Больше никто другой».

«Ты – это собственное хотение».

6

«Избавьте меня от того,
что хочу ежедневно.
Ибо желание, помноженное на желание,
приплюсованное к двум предыдущим желаниям,
и желание желать этого
заставляют мысль
двигаться по закольцованному лабиринту,
словно главный персонаж
обновляемой в режиме on-line
компьютерной игры.

Рулетка, вращаемая в казино.
Деньги на зеленом сукне.
Запотевшая бутылка «Pepsi».
Указательный палец,

подносимый к накрашенным губам.
Перламутровый отблеск маникюра.
Tattoo бабочки возле левой груди,
покрытой белой вуалью....

Отмечать все это эрекцией
для последующего приобретения.
Или приобретением
для последующей эрекции...

Множась через чаты,
удваиваясь через ICQ,
как зеркало, отраженное
в другом зеркале и смотрящееся
в третье зеркало, мысль теряет тело,
никому отправляя ответ:
«Наряжаю Бога подобьем себя
и встаю на место его».

7

На перекрестке трех улиц
с истинами, отлитыми в форме
Фаллоса и Юпитера, —
встретились смерть со смертью,
довольные сами собой.

- Где ты?
- Я здесь.

Так колокол бьет —
стихающий гул,
сливая со звоном.

- Здесь...?
- ...это значит – «всегда»...
- ...был...?
- ...как и ты.
- Не знаю...
- ...не знали!
- Что там?
- Там – здесь.
- Как – *здесь*?
- Как здесь, так и здесь.
- И *что* есть?
- Есть я.
- А где есть....?
-ты? Здесь!
- А что же есть – «есть»?
- *Быть* здесь.
- И значит...?
- ...все время меняться местами.

9

Здесь мы нашли ту ось,
о которой уже писалось в стихотворении.
О которой все знают изначально,
но предпочитают умалчивать
и, в конце концов, – забывают,
несмотря на ее шум —
тихий, словно шорох песка в часах,
и постоянный, как мысль о себе,
которая его заглушает.
Встретив друг друга,
друг друга мы не узнали.
Ты этот шум слышал,
но попытался забыть.
И это твое заблуждение.
Я об этом шуме знал,
но боялся открыть двери комнаты,
где, по сути, смотрел лишь на постеры.
И это моя вина.
Мы хотели комфорта сами в себе.
Но он невозможен.
Место встречи не названо.
Если я скажу, что это Бог,
то ты не поверишь.
А если ты скажешь, что это истина,

то я рассмеюсь.

Так закручиваются планеты,
собирая вокруг себя атмосферу,
и разлетаются в стороны.

И падает на поверхность каждой
лишь отраженный, рассеянный свет,
об источнике которого
мы можем только догадываться.

И расширяются между ними пространства,
грозя взрывом.

И в этом беззвучии
падают бомбы,
рушатся здания.

И диктору остается лишь повторять:
«Приштина» или «Бейрут».

Так закручивается спираль лабиринта
и сжимается каждый из нас.

И свет поглощается.

И тьма объяла его.

Но мы уже встретились.

И ты можешь сказать:

«Он терялся и снова нашелся».

И я: «Он уходил,
но вновь возвратился».

И слово «тополь» для нас
снова становится тополем.

И слово «река» —

становиться снова рекою.
И бьющую в ногу форель
опять называем форелью.

И не важно
на каком языке.

Лабиринт II

Z. B.

1

Каждое сказанное слово
всегда только часть слова.
Часть, ждущая остальных частей
в виде одобрения или несогласия.

И это ожидание,
сходное с ожиданием автобуса,
на сотом километре от города
поздним мартовским вечером,
когда красный закат
красит в красное наледь, —
есть ожидание дома.

Места,
куда бы хотелось пойти.
И где можно, сказав себе: «Здесь»,
получить подтверждение.

Так иди же!
Вдаль от себя по дороге к себе, —
лентой Мёбиуса.

Даже если движение по кругу
не дает ничего,
кроме трассы,
петляющей между холмов.
Кроме глаз воспаленных.
Кроме стертых ботинок.
Кроме губ, вопрошающих: «Где?»
Кроме мысли: «Не здесь...»

Не страшись!

Ибо дом не нашедший —
обретает его.

2

Он не может догнать себя.
И видит как тот,
кого он не может догнать, —
сворачивает в переулок,
садится в автомобиль,
заказывает тур в Таиланд,
посещает солярий,
или меняет одни деньги
на другие деньги.
И ежедневно
входит в свой офис

и выходит из офиса.
Поднимается в лифте
и спускается в лифте,
умножая знакомых
в телефонном табло.
Собирая их, словно гербарий,
расширяя себя
как круги по воде,
раздавая визитки.
Раздавая пожатия рук.
Раздавая,
как будто по ложечке чайной, —
скорбь на похороны,
деньги на флирт,
страсть на спорт,
и слово: «люблю» на семью,
и слово: «прости» на страховку.
Меря время
мерой движенья от цели до цели.
Старясь меняться местами,
с тем,
чья спина впереди.
С вереницей других —
сотней лучших, чем тот,
кого он не может догнать,
начиная утро с пробежки
вдоль улиц.

И встречая лишь тех,

кто уже повернули
обратно.

3

«Я готов подготовить себя
к восхождению.

Чтобы стать чемпионом,
способным сразить даже полубыка
апперкотом и правой прямой.
И на пьедестале,
поднимая вверх руку
в знак безусловной победы
нокаутом.

Я готов подготовить себя
к свету рампы, и звону бокалов —
при вручении премии
лучшего в боксе и реслинге.
К интервью в телекамеры.
К раздаче автографов.
К признанию своих мемуаров
бестселлером.

Я готов подготовить себя
быть оформленной строчкой,

знакомой цитатой для всех,
эквивалентом надежды.
Венчаньем многих трудов.
Воплощением
живописца и скульптора.
И стать экспонатом музея.

Я готов подготовить себя
к роли статуи, отлитой из воска.
Сохраняя боксерскую стойку,
напряжение мышц
и поднятый вверх подбородок
перед самым победным броском.
Перед гулом оваций.
Переходящим в легенду.

Я готов подготовить себя
оказаться навек помещенным
в «Галерею героев»: —
«По мраморной лестнице —
на этаж нулевой».
Где ровный подсвет галогеном,
и рот приоткрытый твердеет
от эффекта фреона.

Я готов подготовить себя
к путешествию вниз.

Словно к центру Земли,

до себя самого,
возвращаясь чрез заросли дрека.
Идя через рожь.
Идя через реку
по шатким мосткам,
где утром стирали белье,
а после сушили.

Я готов подготовить себя
к обретению снова
слова как слова.
Чтобы то, что оно означает,
стало тем, что оно означает,
и чтоб имя мое,
опознавая меня,
стало именем только моим.

Я готов подготовить себя
к ожиданию признанья,
что, словно шершавая нитка
от воздушного шара
на детской ладони, —
оставило след в давнем сне,
сквозь который я слышал:
«Добрночи!»

Я готов подготовить себя
стать согласным
с дорожною пылью,

с каждым шагом своим,
с размером тропинки,
протоптанной средь сорняков,
с каждой кочкой
и с каждою сорной травой.

Я готов подготовить себя
к восхождению снова.
И снова, как слова,
появлению – там —
между темных холмов...

А дальше на холм —
тебя кто-то толкает,
как камень».

4

Кто-то окликнул по имени.
«Это значит,
что нитку твою
постепенно мотают
на палец».

Прекрасноволосая.
Она говорит себе: «я»
и хочет соответствовать
настоящему времени.
И думает – стоит ли
ставить знак равенства
между желаньем и счастьем.

Секундой живущая.
Она обретает себя как себя,
когда словно ветром пустынным,
захвачена взглядом чужим.
И, в зеркале том отраженная —
сверяет, что есть,
и то, что могло быть.

Венцом одаренная.
Она ищет предел,
до которого может дойти
тот, кто бродит
в потемках Дедала,
освещаемый этим венцом.
Но, увы, не находит предела.

Из сна выводящая.

Она снова и снова,
как слово «Добрночи!»
по нитке шершавой
в сон уводит другой —
тот, где прикосновение —
недолгая чья-то надежда.

И бровь подводящая.
Она подбирает на случай
свой взгляд, как реплики
тембр настойчиво ищет актер,
желая прийти к пониманию роли.
И, предполагая успех,
настроена на аплодисменты.

Застывшая трепетно.
Она ожидает того,
кто черную линию туши
сочтет маскировкой,
себя занимая, меж тем,
что каждый дареный топаз
публично считает за счастье.

И страхом плененная.
Она, как будто бы чайка
над морем десятибалльным.
Бойтся объятья. Бойтся открытья
себя, словно комнаты детской,
где спрятан стеклянный секрет,

подобранными наспех ключами.

И, мненьем гонимая,
от быстрых желаний своих
до места без этих желаний,
она заставляет плутать
идущих навстречу
со словом последним
из книги с известным концом.

И смотрит на север,
туда, где индийский венец¹
над облаком в аквамарине
возгорается рядом со Львом².
И надеется ждать
приходящего чуда
как чуда.

6

«Жизнь заканчивается привычкой жить.
Когда разницы нет между тем,
что я вспомнила только сейчас,

¹ На картине Тициана Ариадна, отвернувшись от Вакха, смотрит на мерцающий в небе венец «Северной короны».

² Птолемей относил «Венец Ариадны» к созвездию Льва.

и тем, что я помнила долго.
Все спрессовано намертво
как будто бы в кубике льда...
В фарфоровой чашке – чай английский.
И крекер на розовом блюде.
На тумбочке шведской,
заказанной по каталогу
(чуть-чуть с переплатой), —
по левую сторону, —
чтоб было рукою
легко дотянуться! —
у самого зеркала:
кольцо с ограненным топазом,
с нефритами фенечка,
неполный флакончик с духами.

Хотелось бы «Isatis Givenchy»,
но будем довольны
и чем-то от Келвина Кляйна.

Вчера не успела доехать
до автоцентра «Peugeot»...
А завтра не опоздать бы
на сессию Tатoo салона...

Расчесывать волосы
и бровь подводить...

И может быть кто-то сегодня,

как будто ключом серебристым,
тихонько откроет...

Нет, нет....

...как будто водою проточной
спрессованный лед,
где время мое неотличимо
от времени общего,
вдруг сделает
точно такой же
проточную долгой водою.
И так, чтоб пространство мое
вдруг стало чуть шире
того виртуала,
куда, уходящая в поисках
и сопоставляя слово со словом,
я ребусов не разгадала – насколько
желанье мое не желать
тех мест, где не будет желаний,
не сковано будет желаньем другим,
как спекшейся глиной,
что быстро становится камнем.

И чтобы рельефная мышца
сразившего полубыка —
единственным стала ландшафтом
от линии жизни на левой ладони
до каждой знакомой ложбины.
И стала бы только моим

продолженьем рисунка,
что в детстве пыталась чертить,
стараясь себя опознать как себя,
как круг, что не может вписаться
в очерченный раньше квадрат.

И чтобы я тело свое
считала чуть-чуть незаконченным.
Творимым, как будто из воска,
до долгих пределов таких,
куда только может дойти
(устремляясь к созвездию Льва!)
проточная эта вода,
чтоб там запустить
единственно верный хронометр,
способный отсчитывать
разницу времени...

Между тем,
что я вспомнила только сейчас,
и тем, что я помнила долго...

Чтоб стать мягкой глиной.

И пытаться не быть
средоточием прочного камня».

7

По нитке шершавой —
тело к телу.
С ощущением не тела,
но следа.

8

– Слышишь?
– Услышана!

И тише,
над крышами.

– Выше...?
– Не взвешены.
– Дальше?
– Не душно нам.
– Там ли...?
– Не тайные.
– Созданы...
– ...слитые
– Спрошены?
– Вброшены!

- там ли?
- открыто ли?
- Впущены?
- Впущены
- Признаны?
- Призваны.
- Узнаны?
- ...разными.
- Скрытные...
- ...скрыты мы.

9

Левое и правое
перестает быть левым и правым.
Тополь, оставаясь ферзем,
пытается поставить шах дальней березе.
Береза – раскручивает разогретую поляну
против часовой стрелки.
Напряженные стволы сосен
дополняют эффект головокругления,
продолженный перпендикуляром шоссе,
на котором красный автомобиль
на бешеной скорости приближается к повороту.
И уже видны расчерченные линии автотрасс,
эстакады с движущимися синими, зелеными,
серебристыми прямоугольниками,

постепенно становящиеся точками,
как будто кровеносными шариками,
движущимися все быстрее и быстрее,
лишь только вдыхаешь воздух.

Лоскутное одеяло пашни.

Колокольня над круглым озером,
за которым приземляется парашютист,
проводящий взглядом
уходящий на второй круг биплан.

Неожиданно блеснувший
искривленным лезвием
малый приток большой реки,
неизменно стремящийся к устью.

Краны над песчаными конусами.
Вереница самосвалов, идущих в порт.

И по левую сторону от порта
– железная дорога с гроыхающим «скорым»,
влетающим через мост к вокзалу,
где каждый пассажир, двигаясь
согласно утвержденному расписанию,
вдруг делает шаг в сторону,
сталкиваясь плечом
с другим пассажиром.

И по правую сторону от порта
уходящий под «Прощанье славянки»,
белый, с поблескивающим на борту названием,
(которое плохо видно с берега) – теплоход,
где на третьей палубе уже начинаются танцы.
А прямо по курсу загораются бакены.

Качающиеся речные лампы,
чей трассирующий по воде свет
определяет движение корабля
точно по центру – между темных холмов.
С одного из которых, спускаясь вниз,
через лес с доледниковыми травами —
тимьяном, ясколкой, – снова приходишь туда,
где береза, становясь ферзем,
пытается, ставить шах тополю,
который раскручивает остывающую,
покрытую росой поляну
по часовой стрелке.

Правое и левое
перестает быть
правым и левым.
И буквы каждого сказанного слова,
даже не получившего подтверждения,
видятся в темноте
частью горячей азбуки.
И, меняясь местами, текут
как заговоренное Теслой электричество.
Как золотистые рыбы, обменивая
вспоминание на воспоминание.
Страх на страх.
Стыд на стыд.
Предчувствие на предчувствие.

И желание дома

на желание такого же дома.

И не важно —
на каком языке.

Лабиринт III

Светлой памяти друга моего Саши Внученко

*The archaeologist's spade delves into dwellings
vacancied long ago*

W. H Auden

*Упомянувши здесь о юности, я готов
воскликнуть: земля! земля!*

Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни»

*...отворит он, и никто не запрет;
запрет он, и никто не отворит.*

Книга Исаии (22; 22)

1

...и не важно – на каком языке говорят с тобой те,
чей облик, по свидетельству многих, – ужасен.
Этот страх – есть конец языка и начало того,
что за словом любимым оставалось,
его подтверждая всегда. О чем можно было сказать:

«Так и есть». И это самое: «есть» —
есть то поле незримое, где начинается действие,

возвращенное нам для того, чтоб исправить ошибки.
И это самое: «есть» в то же время есть и: «сейчас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.